

18+

НИГОРА СОБИРОВА

Коварный искуситель

СИМВОЛ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

Нигора Собирова

**Коварный искуситель.
Символ несчастной любви**

«Издательские решения»

Собирова Н.

Коварный искуситель. Символ несчастной любви / Н. Собирова —
«Издательские решения»,

Охотник полюбил свою жертву, и это стало его приговором. Ниагара Вуд пришла за мстью: её семья погибла, а мир обратился в пепел. Она тень своего прошлого, проникшая во дворец Абеев, чтобы уничтожить виновных. Но на пути встает Ааран — коварный искуситель, мастер лжи и хищник, не знающий жалости. В этой роковой игре роли меняются. Каждое прикосновение предателя обжигает сильнее ненависти.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	13
Глава 8	14
Глава 9	15
Глава 10	16
Глава 11	18
Глава 12	19
Глава 13	20
Глава 14	21
Глава 15	22
Глава 16	24
Глава 17	25
Глава 18	27
Глава 19	29
Глава 20	31
Глава 21	32
Глава 22	34
Глава 23	35
Глава 24	38
Глава 25	39
Глава 26	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Коварный искуситель Символ несчастной любви

Нигора Собирова

© Нигора Собирова, 2026

ISBN 978-5-0070-0422-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Любовь — это самая опасная игра, в которой охотник и жертва часто меняются местами на самом краю пропасти.

Эта история начнется с пепла и закончится слезами, но между ними вспыхнет пламя, способное испепелить целые империи. Перед вами — путь Ниагары, жаждущей возмездия, и Аарана — коварного искусителя, чья душа была выкована из льда и высокомерия.

Он вошел в её жизнь как демон под маской ангела, холодный хищник, привыкший играть чужими судьбами. Но что происходит, когда охотник начинает жаждать не крови своей жертвы, а её дыхания? Когда каждое прикосновение — это предательство, а каждый поцелуй — яд, который хочется испить до дна?

«Нет искушения более сладкого, чем влюбить в себя своего врага, и нет казни более страшной, чем осознать, что ты сам стал его рабом».

Эта книга — об одержимости, которая сильнее клятв, и о страсти, которая расцветает на руинах сожженного дома. Здесь коварный соблазнитель падет на колени перед той, которую

должен был уничтожить, а жертва найдет в себе силы не просто наказать, но и подчинить себе сердце своего палача.

Приготовьтесь войти в лабиринт, где правда пахнет порохом и черным жемчугом, а единственное спасение — это добровольный плен в объятиях того, кого ты должен ненавидеть.

Глава 1

Стоял тёплый сентябрьский день, наполненный той обманчивой лёгкой прохладой, которая предвещает скорое увядание природы. Разбитая горем Ниагара сидела у камина, бездумно глядя в открытую книгу, но строчки расплывались перед глазами. Мысли её были далеко — в том дне, когда её мир превратился в пепел.

На столе перед ней белела стопка бумаг, оставшихся после гибели семьи. Ниагара не решалась даже коснуться их. Она знала, что в этих документах и нераспечатанных письмах скрыты ответы на вопросы, которые она боялась задать. Кто был тем призраком, что разрушил её дом? Что за человек стал её злейшим кошмаром, безжалостным пожирателем душ, который в одночасье отнял у неё родителей и сестру?

Она отвела взгляд от стола, чувствуя, как внутри всё сжимается от ледяного предчувствия. Каждое воспоминание о том, что произошло, ранило её сильнее любого кинжала. Медленно поднявшись, Ниагара подошла к окну. Золотые листья, плавно опадавшие на землю, больше не дарили ей прежнего восторга. Когда-то она часами могла любоваться осенними пейзажами Йоркшира, но теперь её глаза утратили способность замечать красоту. Сердце онемело, скованное панцирем невыносимой боли.

Внутри неё царили лишь пустота и вечный холод. Прошло долгих шесть месяцев с той страшной трагедии, но она так и не приблизилась к разгадке. Почему это случилось? За что её семья была стерта с лица земли? Каждая минута заставляла Ниагару проживать этот кошмар заново, в поисках хоть какой-то зацепки.

Порой ей казалось, что она превратилась в бездушную куклу, в тень, запертую в тесной комнате без выхода. Дом не удерживал её силой — нет, он сам стал её темницей, молчаливым свидетелем бывшего счастья, которое теперь казалось лишь горьким сном. Ниагара стала заложницей собственных страхов. Даже сама мысль о том, что она может потерять этот последний оплот — отцовский дом, — внушала ей парализующий ужас. Она знала: пока письма не открыты, правда спит, но стоит ей прикоснуться к ним, и её жизнь изменится навсегда.

Глава 2

Холодный, пронзительный ветер ворвался в библиотеку на втором этаже, распахнув створки окна. Услышав шум, Ниагара поспешила наверх и впервые за шесть месяцев переступила порог этой комнаты. На мгновение она застыла: воздух всё еще хранил родной, едва уловимый аромат отцовских книг и табака. Закрыв глаза, она позволила себе на краткий миг вернуться в то счастливое прошлое, где каждый вечер был наполнен теплом и заботой. У отца слабое зрение стало с годами привычным бременем, и Ниагара, его младшая дочь, всегда была рядом, читая вслух любимые страницы. Господин Дотур нежно любил всю семью, но в Ниагаре он души не чаял, восхищаясь её острым умом и тонким чутьем.

Воспоминания, такие живые и болезненные, неожиданно наполнили её решимостью. Ниагара начала размышлять о будущем: как настичь врага? Чтобы уничтожить его, нужно было понять истоки этой ненависти. Какая вражда связывала его с отцом? Трагедия случилась, пока она была далеко — в Уитби, в графстве Норт-Йоркшир, где учёба поглощала всё её время. Она вернулась в Йорк лишь тогда, когда мир вокруг уже рухнул.

«Возможно, разгадка была совсем рядом, но я её не замечала», — с горечью подумала Ниагара. Она вспомнила о письмах сестры, которые так часто оставляла без ответа. Может, именно там скрыта правда?

Ниагара нашла последнее письмо отца. Оно обжигало руки:

«Дорогая дочь! Мы очень скучаем и мечтаем обнять тебя, но не станем просить вернуться — твоя мечта должна быть исполнена, а учёба завершена. Мы знаем, как много для тебя значит творчество. Пиши чаще, Ниагара. Твоё молчание тревожит нас... Сестре сейчас тяжело, она будто несет на себе незримый груз. Пожалуйста, свяжись с ней, узнай, что гложет её душу. С любовью, твой отец».

Читая эти строки, Ниагара поняла: ключ к тайне был доверен ей еще тогда, когда она была слишком занята собой, чтобы услышать призыв о помощи.

Глава 3

Ниагара вспомнила, что все письма сестры, так и не прочитанные ею, остались в Уитби. Осознание того, что ответы на вопросы, которые могли бы спасти её семью, находятся за сотни миль, на мгновение повергло её в отчаяние. Тоска вновь начала сжимать сердце ледяными тисками, и надежда, казалось, окончательно покинула её. Но в этот миг, словно в ответ на её немую мольбу, с книжной полки на пол упало Священное Писание.

Ниагара медленно подошла, подняла книгу и, сглотнув ком в горле, открыла её на случайной странице. Её взгляд остановился на строке: «Кто истину ищет, тот истину найдёт».

Эти слова отозвались в памяти эхом: она вспомнила, как отец обращался к Писанию в самые темные минуты жизни, когда терял опору. Вчитываясь в священные строки, Ниагара почувствовала, как тяжёлый холод в груди начинает отступать. Внутри неё зародилось робкое, но крепкое желание довериться чему-то большему, чем собственная боль. Божьи слова, мудрые и утешающие, вдохнули в неё жизнь.

Утром она проснулась с ощущением внутренней тишины и впервые за долгое время встретила рассвет не со слезами, а с едва уловимой улыбкой. С этого дня Ниагара решила больше не прятаться в стенах, которые стали для неё склепом. Она наконец была готова шагнуть навстречу свету и начать свой путь к истине.

Глава 4

Ниагара сидела на большом камне у фонтана в саду Бенингбро, что раскинулся в тихой сельской местности между Йорком и Харрогейтом. Сильный ветер играл с её распущенными рыжими волосами, и на мгновение она позволила себе просто чувствовать жизнь. В памяти вновь всплыли вчерашние строки из Писания: «Кто истину ищет, тот истину найдёт».

Вопрос, который не давал ей покоя, вспыхнул с новой силой: где же эта истина? Она подняла глаза к небу и прошептала: «Господи, укажи мне верный путь, помоги в этой борьбе. Ты — единственный, кто у меня остался».

Словно отвечая на её мольбу, небо стремительно потемнело, и начался проливной дождь. Ниагара, продрогшая до костей, заметалась в поисках укрытия. Вдали, сквозь пелену воды, она заметила одинокий дом, в окне которого робко мерцал свет факела. Сердце сжалось от страха: стучаться в незнакомый дом было рискованно, но оставаться под ледяным ливнем стало невозможно.

Едва она занесла руку, чтобы постучать, как дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял высокий мужчина с темными волосами. Его взгляд, пронзительный и внимательный, задержался на Ниагаре, а затем его лицо озарилось узнаванием.

— Ниагара? — негромко, но уверенно произнес он и, не дожидаясь ответа, заключил её в крепкие объятия.

Ниагара замерла, потрясенная, но мгновение спустя узнала своего знакомого из Уитби — Адама. Это неожиданное появление в такой глуши казалось невероятным. Адам бережно провел её в дом, помог снять промокший плащ и предложил сухую одежду.

Когда они устроились у камина, и в руках Ниагары оказалась чашка горячего чая, она наконец нашла в себе силы спросить:

— Адам? Что ты делаешь здесь, в этом доме? Как ты оказался в Йорке?

Адам долго молчал, глядя на танцующие языки пламени. Казалось, он взвешивал каждое слово. Лишь спустя долгую паузу он начал свой рассказ.

Глава 5

— Я собирался прийти к тебе с вестью в тот день, когда ты покинула Уитби, — начал Адам, не сводя глаз с огня. — Но, добравшись до твоего дома, узнал от хозяйки, что ты внезапно уехала, оставив все свои вещи. Я ждал, надеялся, что ты вернешься, но от тебя не было никаких вестей. Уже месяц я здесь, в Йорке, и всё это время искал тебя. Похоже, сама судьба направила твои шаги сегодня к моему порогу.

Адам поднялся и достал из угла дорожный сундук.

— Вот твои вещи, Ниагара. Я сохранил их, веря, что однажды смогу вернуть.

Ниагара сбивчиво поблагодарила его, а затем, не выдержав, рассказала о трагедии, что постигла её семью. Адам слушал молча, но по тому, как побелели его костяшки, сжавшие край стола, она поняла: внутри него клокочет ярость. Однако, заметив её дрожь, он тут же смягчился.

— Теперь всё будет иначе, Ниагара. У тебя есть защитник. Я не позволю беде преследовать тебя дальше.

Она вспомнила о письмах сестры, которые так долго ждали своего часа, и в душе затеплилась надежда. Получив сундук, она ощутила странное облегчение, словно вместе с вещами к ней вернулась часть её самой.

Адам отвез её домой, окутанный ночными тенями. Прощаясь у порога, он твердо сказал:

— Я буду навещать тебя каждый день. Мы найдем того, кто принес горе в твой дом, и заставим его ответить за всё. Он не заберет то, что построил твой отец, — не отнимет твой дом и твои воспоминания.

Когда Адам уехал, Ниагара осталась в тишине, но впервые за долгое время эта тишина не казалась пугающей. Она была рада этой встрече: в словах Адама, в его решимости она нашла ту опору, которой ей так не хватало. Она знала: завтра, как только взойдет солнце, она отправится в церковь, чтобы вознести благодарность Богу. И, конечно, она прочтет письма сестры. Ниагара чувствовала, что истина, за которой она так отчаянно охотилась, уже совсем близко.

Глава 6

Ниагара вновь сидела у камина. Руки мелко дрожали, в горле застрял тяжелый ком, а по лбу выступил холодный пот. Сгущалась глубокая, промозглая ночь. Она смотрела на письма Руш, не решаясь коснуться конвертов: её парализовал страх, что внутри не окажется ответов, лишь пустота. В изнеможении, так и не решившись открыть их, она уснула прямо в кресле.

Утро встретило её серой дымкой. Взгляд Ниагары снова вернулся к письмам, но в голове созрело иное решение: «Нужно пойти в храм. Только там, в тишине перед Богом, я найду силы узнать правду».

Ниагара всегда считала, что вера — это не стены храма, а свет внутри человека. Сама она была удивительно светлой: тонкие черты лица, глубокие карие глаза, голос, похожий на птичье пение. Она жила поэзией и сонетами Шекспира, а её игра на скрипке заставляла замолкать даже профессиональных музыкантов — казалось, пальцы сливались со струнами в едином порыве.

Накинув пальто, она вышла в заснеженное утро. Пустые улицы казались мрачными лабиринтами, но она не сворачивала. У ворот храма её охватила внезапная боль раскаяния: почему раньше она ставила учебу и творчество выше бесценных часов с родными? Теперь, когда близких не стало, это время казалось величайшей потерей.

Едва она приблизилась, дверь отворилась, и на пороге возник пастырь. Он взглянул на неё с пронзительной грустью:

— Вы Ниагара, дочь господина Дотура? Я ждал, что вы придете. Ваши родители были достойными людьми. Примите мои глубочайшие соболезнования.

Они вместе вознесли молитву об усопших. После пастырь добавил:

— Вы удивительно похожи на Руш. Она была необыкновенно талантливой и чуткой девушкой.

Ниагара вздрогнула:

— Откуда вы знаете? Она ведь не посещала церковь...

Пастырь отвел взгляд. Его голос дрогнул:

— В последние месяцы она приходила сюда каждый день. Она была сломлена, перестала верить людям, даже родителям. Один человек... он уничтожил её морально. Она не смогла перенести то, что он с ней сотворил.

Ниагара задохнулась. Мир вокруг начал стремительно вращаться.

— Какое самоубийство?! — выдохнула она, хватаясь за край скамьи. — О чем вы говорите? Кто этот человек?!

Правда оказалась слишком тяжелой, непосильной ношей. Сердце не выдержало, и темнота сомкнулась над ней.

Когда Ниагара пришла в себя спустя два часа, рядом была лишь служительница храма.

— Где он? — вскрикнула Ниагара, хватая женщину за рукав. — Где пастырь?!

— Его срочно вызвали в другой город, — ответила та. — Он вернется только через месяц.

Ниагара разрыдалась. Она чувствовала, как истина ускользает из рук, как призрак прошлого снова насмехается над ней. Схватив пальто, она бросилась прочь из храма. Теперь у неё был лишь один путь — домой, к письмам сестры. Она должна была узнать, кто отнял у неё семью и жизнь Руш.

Глава 7

Метель усиливалась, и в сумерках Йорка мир вокруг казался призрачным. Ниагара спешила домой, не чувствуя холода — в голове пульсировала лишь одна мысль: добраться, запечататься и, наконец, прочесть письма Руш.

Вдруг тишину разрезал низкий, утробный вой. Ниагара замерла. Из-за поворота, окружив её плотным кольцом, вынырнула стая голодных псов. Их глаза горели диким голодом, а оскаленные пасти не сулили ничего, кроме смерти. Она вжалась в стену, чувствуя, как ледяной пот течет по спине. Это был конец.

В этот момент воздух содрогнулся от властного, низкого гудка. Из-за поворота вывернул роскошный Rolls-Royce Silver Ghost. Его мощный сигнал ударил по ушам, и свора, испугавшись неожиданного шума, врассыпную бросилась прочь.

Машина остановилась. Дверь открылась, и на дорогу вышел человек невысокого роста, с бледным, почти фарфоровым лицом и ледяным, строгим взглядом. Он направился к Ниагаре, не произнося ни слова.

Их взгляды скрестились. В её глазах застыл испуг, смешанный с невинностью, в его — лишь холодное презрение, словно он смотрел не на живого человека, а на досадную помеху на своем пути.

Человек резко развернулся, намереваясь вернуться в салон. Ниагара, опомнившись, сделала шаг навстречу:

— Пойдите! Мистер... как я могу вас благодарить? Вы спасли мне жизнь. Если бы не вы...

Аристократ остановился, но не обернулся. Его голос прозвучал сухо и высокомерно:

— Женщине не пристало бродить одной в такую погоду. Вы, женщины, поразительно глупы: вы даже не представляете, какой опасности себя подвергаете, считая мир безопасным местом.

Ниагара замерла, а затем её голос, прежде дрожащий, обрел твердость:

— Вы называете нас глупыми, забывая о том, что вас тоже родила женщина. И мне искренне жаль вашу мать — у неё вырос сын, лишенный даже капли благородства. Я хотела поблагодарить вас, но вижу, что вы этого не заслуживаете.

Человек наконец обернулся. Его взгляд был пропитан ядом. Он бросил короткий, презрительный приказ водителю:

— Трогай. Я не намерен спорить с дорожной грязью.

Rolls-Royce сорвался с места, обдав её снежной крошкой. Их первая встреча, начавшаяся с бури, закончилась громом в душе Ниагары.

Глава 8

Щелчок дверного замка прозвучал в пустом холле как выстрел. Ниагара прислонилась спиной к дубовой двери, тяжело дыша. Снаружи бесновалась метель, а внутри неё всё ещё жгло ледяное пламя после встречи с тем высокомерным незнакомцем. Его бледное лицо и ядовитые слова о «глупости женщин» стояли перед глазами, мешая сосредоточиться на главном.

Дрожащими руками она зажгла керосиновую лампу. Тёплый жёлтый свет робко разогнал тени в библиотеке. Ниагара подошла к столу, где стоял дорожный сундук, возвращённый Адамом. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, оно вот-вот вырвется из груди.

Она достала первый конверт. Почерк Руш — летящий, аккуратный, пронизанный надеждой. Декабрь 1920 года.

«Сестрёнка, милая! Если бы ты знала, какое чудо со мной произошло! Я встретила человека, с которым мне впервые по-настоящему спокойно. Он приехал из другого города вместе со своей семьёй — они истинные аристократы, у них есть всё, о чём можно мечтать. Но главное не богатство, а его великолепный, острый ум. Да, он бывает грубоват, порой его слова ранят, но эта холодность лишь сильнее украшает его... Я влюблена, Ниагара. Пока он просит хранить нашу связь в тайне, но я верю, что скоро всё изменится».

Ниагара перевернула страницу, чувствуя, как могильный холод подбирается к ногам. Она начала вскрывать письма одно за другим, и с каждым листком тон сестры менялся. Надежда сменялась тревогой, а радость — отчаянием. В письме, датированном концом зимы, Руш уже не писала, а буквально кричала со страниц:

«Он ведёт себя всё страннее. Каждый день он испытывает меня, утверждает, что не верит в мою искренность. Сестрёнка, мне больше никому доверить свою печаль... У него огромный особняк, власть и влияние, но он требует доказательств моей любви. Чтобы я подтвердила свою преданность, он попросил... нет, он потребовал документы на наш дом и ферму. Ниагара, я совершила безумие.

Я тайно пробралась в библиотеку отца и забрала бумаги. Я передала их ему. Я не могла иначе — без него я просто умру».

Руки Ниагары похолодели так, что бумага начала громко шуршать. Она читала дальше, едва сдерживая крик ужаса.

«Я жду ребёнка. Если он не женится на мне, если я рожу это дитя вне брака, отец не переживёт позора. Ты же знаешь, как важна для него честь нашей семьи. Но я не могу понять одного: почему он так ненавидит нас? Стоит мне заговорить об отце, как он теряет контроль, а его лицо превращается в маску ярости. Сестрёнка, ты так занята в своём Уитби, ты не отвечаешь мне... Я боюсь. Я доверилась ему и отдала всё, что у нас было. Твоя Руш».

Ниагаре стало худо. Она выронила письма, и они рассыпались по полу, словно пожелтевшие листья. Воздуха катастрофически не хватало.

— Боже, какая же я была эгоистка... — прошептала она, закрывая лицо руками. — Пока я гналась за знаниями, моя сестра сгорала в этом аду.

Шок парализовал её. Руш отдала документы на отцовский дом? Она была беременна? Но от кого? В письмах не было ни имени, ни фамилии — только «он». Словно сестра боялась даже на бумаге произнести имя своего мучителя.

Действительно ли Руш сама оборвала свою жизнь, или чья-то безжалостная рука направила её к краю бездны, когда она стала помехой? Город молчал — либо от неведения, либо от леденящего страха перед тем, кто владел этим миром.

Глава 9

Целых два дня Ниагара не могла прийти в себя. Боль от прочитанных писем была почти физической: казалось, невидимые когти рвут её сердце на мелкие части. Ком в горле мешал дышать, а еда казалась безвкусным пеплом. Она стала живым мертвецом в собственном доме, запертой в четырех стенах вместе со своими призраками.

Она даже не нашла в себе сил собрать письма, которые так и остались лежать на полу, словно белые надгробия её надежд. Слезы катились из глаз бесконечным, бездонным океаном, застилая мир серой пеленой. Время застыло, превратившись в густой, липкий туман, сквозь который Ниагара не видела пути.

«К кому мне обратиться? Кто откроет мне правду?» — эта мысль пульсировала в висках.

Перед глазами то и дело всплывал тот страшный день в Уитби. Она сидела за столом, погруженная в творчество, подбирая рифмы для нового сонета, когда в дверь постучали. Короткая весть, сухие слова — и её мир рухнул. Ей сообщили, что в отцовском доме найдены три тела. Самоубийство? Коллективное безумие? Убийство? Она не успела даже на похороны, не успела в последний раз коснуться рук матери или поцеловать сестру. Бедные родители, бедная Руш... Что им пришлось пережить в те последние минуты? И почему ни один из многочисленных знакомых отца, тех, кто годами пил его вино и хвалил его гостеприимство, не проронил ни слова о деталях случившегося?

Тишина города казалась ей заговором.

Внезапно Ниагара вспомнила о пастыре. Тот странный, печальный человек в храме был единственным, кто узнал её и говорил о Руш как о живой, страдающей душе. Прислужница сказала, что он вернется лишь через месяц, но Ниагара больше не могла ждать. Месяц в этой тишине означал для неё безумие.

Собрав остатки воли, она поднялась с кресла. Колени подгибались, а тело казалось чужим и неповоротливым, но она заставила себя подойти к зеркалу. Из зазеркалья на неё смотрела тень прежней Ниагары — бледная, с лихорадочным блеском в глазах.

Она должна вернуться в храм. Даже если пастыря там нет, она будет ждать на пороге. Она чувствовала: этот человек — её единственный мост к истине, и она не позволит этому мосту обрушиться. Надежда, слабая и хрупкая, вновь заставила её сердце биться. Она накинула пальто и вышла в холодную неизвестность, моля Бога лишь об одном — о встрече, которая даст ей ответы.

Глава 10

Ниагара шла по улице, едва переставляя ноги. Бессонные ночи и несколько дней добровольного голода истощили её до предела. Мир вокруг плыл, краски выцветали, и каждый шаг давался ей с нечеловеческим трудом. Она хотела зайти к Адаму — он просил сообщить ему обо всём, что она узнает из писем, — но его домик встретил её безмолвием. Адама не было.

Отойдя чуть дальше, Ниагара в изнеможении опустилась на холодную скамью. Горло сдавило спазмом панической атаки. Ещё вчера она была принцессой, окружённой любовью и заботой, а сегодня чувствовала себя измождённым изгоем, потерявшим всё. От резкого движения её сумка соскользнула на землю, и из неё выпала изящная авторучка.

Дрожащими пальцами Ниагара достала блокнот. Когда слова не могли облегчить боль, на помощь приходила поэзия. Забыв о холоде и голоде, она начала писать, вкладывая в каждую букву безмолвный крик своей души:

В пустом саду, где ветер стонет глухо,
Я тенью вдовьей среди мёртвых лип бреду.
Внутри — зима, безмолвие, разруха,
И взгляд потухший ищет лишь беду.

Душа зашлась в немом надрывном крике,
А небо спит, не дав мне свой ответ.
Я — птица в клетке, в скорбном, тёмном миге,
Где гаснет жизни призрачный рассвет.

Она вырвала листок из блокнота, но порыв резкого ветра внезапно выхватил его из её ослабевших пальцев. Ниагара лишь безучастно смотрела, как белое пятно бумаги кружится в холодном воздухе и уносится прочь. У неё не было сил бороться даже за свои строки. Поднявшись, она медленно продолжила свой путь к храму.

Спустя всего несколько минут к дому Адама плавно подкатил знакомый аристократический Rolls-Royce. Из машины вышел тот самый высокомерный незнакомец. Его бледное лицо было сосредоточенным и строгим. Он несколько раз властно постучал в дверь, но, не дождав-шись ответа, раздражённо развернулся.

В этот миг к его ногам, словно живое существо, прильнул листок бумаги. Он уже занёс руку, чтобы брезгливо отбросить мусор, но его взгляд зацепился за аккуратные, летящие строки. Как человек, глубоко ценивший истинное искусство, он не смог пройти мимо. Читая стихотворение, незнакомец на мгновение замер, а его холодные глаза сузились. В этих восьми строчках было столько подлинного, неприкрытого страдания, что его маска безразличия едва заметно дрогнула.

Он не выбросил листок. Аккуратно сложив его, он спрятал бумагу в карман своего дорогого пальто, сел в машину и исчез в морозной дымке.

Тем временем Ниагара, собрав последние силы, достигла ворот храма. У входа она неожиданно увидела пастора. Заметив её, он попытался ускорить шаг и скрыться внутри, делая

вид, что не узнаёт гостью, но Ниагара, движимая отчаянием, преградила ему путь. Она не позволит ему уйти, пока не получит ответы, которые ей так необходимы.

Глава 11

Последние посетители покинули храм, и тяжелые двери поглотили шум внешнего мира. Ниагара и пастор остались наедине в звенящей тишине, нарушаемой лишь треском догорающих свечей.

— Господин Рудри, посмотрите мне в глаза, — голос Ниагары, хоть и тихий от истощения, звучал подобно стальному клинку. — Вы ведь уехали на месяц, не так ли? Как же вы снова оказались здесь? Или прислужница в тот вечер соврала мне по вашему приказу? Как люди могут доверяться вам? Вы служите в доме Божьем, приносите обеты истине, но предпочли скрыться от той, кто нуждался в вашей помощи.

Пастор застыл. Ниагара видела, как густая краска стыда заливает его щеки. Её красноречие, её пыл и горькая правда слов лишили его защиты. Он смотрел на эту хрупкую девушку и видел в ней тень той, другой... той, которую не смог уберечь. Тяжело вздохнув, он опустился на скамью и начал свой рассказ.

— Однажды вечером, в час проливного дождя, я увидел у ворот храма плачущую девушку, — начал Рудри, глядя куда-то сквозь Ниагару. — Когда я подошел ближе, то узнал её — это была Руш, старшая дочь господина Дотура. Она была вне себя от горя. Я упросил её войти, и здесь, под этими сводами, она впервые открыла мне душу. Она говорила о невыносимом одиночестве, о том, что не понимает, почему любимый человек так жесток с ней.

Пастор на мгновение замолчал, его пальцы судорожно сжали края сутаны.

— Я стал для неё не просто священником. Я хотел стать её другом, её щитом. Я просил её приходить всякий раз, когда ей станет невмоготу. Я убеждал её порвать с тем, кто причиняет ей столько боли, но любовь — это слепое пламя... В последний раз, когда я видел её живой, в её руках были бумаги. Те самые документы на ваш дом и ферму. Я пытался остановить её, заклинал одуматься, но она лишь качала головой. «Я делаю это ради своего ребенка», — сказала она тогда. Именно в тот миг я узнал, что она ждет дитя и зашла слишком далеко.

Ниагара слушала, затаив дыхание, боясь спугнуть это страшное откровение.

— Через неделю она пришла снова, — продолжал Рудри тише. — Она сияла. Она обняла меня и сказала, что счастлива. Ей казалось, что она доказала ему свою верность. Он пообещал ей встретиться с вашим отцом, договориться о свадьбе и вернуть все документы. Она так боялась гнева отца за кражу бумаг из сейфа, но верила, что этот человек всё уладит. А на следующее утро... на следующее утро я узнал о трагедии в вашем доме. Я так и не понял, что произошло за этими закрытыми дверями.

Ниагара почувствовала, как пазл в её голове начинает складываться, но не хватало главной детали.

— Имя, господин Рудри. Как она называла его? Как зовут этого монстра?

Пастор поднял на неё полные тоски глаза:

— Я не уверен, что это его настоящее имя. Она всегда произносила его с придыханием, будто это какой-то тайный пароль... Она называла его Валет.

Глава 12

Ниагара почти выбежала из храма, когда за ней следом бросился пастор Рудри.

— Ниагара, стой! — задыхаясь, крикнул он. — Ты ищешь правду повсюду, но заглянула ли ты в собственный дом? Если Руш отдала документы, а он обещал их вернуть, возможно, они уже там? Или хотя бы повестка? Если он шантажировал твоего отца или готовил выселение, в доме должны были остаться следы... письма, угрозы!

Ниагара остановилась, её брови сошлись на переносице.

— Рудри, Руш писала, что он из баснословно богатой семьи. Зачем такому аристократу наш скромный дом и ферма? В этом нет логики... — Она осеклась, и в её глазах вспыхнуло запоздалое прозрение. — Хотя... постойте. Когда я вернулась из Уитби, уже после похорон, я встретила старого работника фермы. Он шепнул мне, что я могу потерять всё. Сказал, что отец получил какое-то письмо и что мне нужно жить в доме как тень, чтобы никто не узнал о моем присутствии.

Ниагара схватила за голову.

— Как я могла быть такой слепой? Я была так напугана одиночеством, что просто заперлась внутри, стараясь не привлекать внимания, лишь бы меня не прогнали. Я никогда не спрашивала: почему? От кого пришло то письмо? Кто хочет отнять память о моих родителях? Спасибо тебе, Рудри. Кажется, теперь я знаю, с чего начать поиски.

Они попрощались, и Ниагара почти бегом пустилась в обратный путь. Но чем ближе она подходила к знакомому повороту, тем сильнее в воздухе ощущался едкий, удушливый запах гари. Предчувствие беды ледяной рукой сжало её горло.

Она выбежала на пригорок и замерла в немом ужасе. Её дом — её последнее убежище, её оплот — был объят ревущим, багровым пламенем. Огонь жадно слизывал сухую древесину, превращая воспоминания в пепел.

— Нет! Нет! — закричала она, бросаясь к пылающему порогу, но крепкие руки соседей, сбежавшихся на пожар, перехватили её.

— Пустите! Там письма! Там правда! — Ниагара билась в их руках, захлебываясь от рыданий. Она будто заново теряла родителей, заново смотрела в глаза смерти Руш.

Всё было кончено. Огромный столб дыма поднимался к равнодушному небу. И в этом хаосе, сквозь пелену слез, она на мгновение заметила вдали, на лесной дороге, знакомый черный силуэт. Мощная машина, похожая на ту, что она видела раньше, медленно скользнула в тень деревьев и исчезла. Но Ниагара была слишком раздавлена, чтобы осознать это.

В толпе появился старый знакомый её отца, тот самый работник фермы. Его лицо было черным от копоти.

— Это не случайность! — прохрипел он, обращаясь к людям. — Кто-то поджег дом и ферму одновременно! Там, на ферме... ничего не осталось. Животные... всё погибло. Мы не успели...

Слова старика стали последней каплей. Мир вокруг Ниагары качнулся и начал стремительно меркнуть. Ноги подогнулись, и она, словно подкошенный цветок, упала на сырую землю, погрываясь в спасительное беспамятство.

Глава 13

Прошло три часа. Ниагара очнулась в тишине храма, чувствуя себя так, словно не спала целую вечность. Мир вокруг казался чужим, а тело — свинцово-тяжелым от апатии. Рядом сидела служительница, её лицо выражало бесконечную кротость. Ниагара растерянно обвела взглядом своды храма: как она здесь оказалась? Она же только что ушла, собиралась домой... В голове всплыло призрачное воспоминание о пожаре, но она тут же отмахнулась от него, как от дурного сна. «Конечно, дом цел. Всё хорошо. Это просто усталость», — твердила она себе.

Служительница молча предложила ей чашку горячего чая, но Ниагара лишь безучастно смотрела в одну точку. Внезапно дверь скрипнула, и вошел пастор Рудри. Увидев его, Ниагара резко вскочила с места, в глазах её застыла паника:

— Рудри! Что я здесь делаю? Я ведь шла домой, собиралась перепроверить письма, найти бумаги... Как я оказалась здесь снова? Неужели это был лишь сон? Я ведь всё это время была здесь и никуда не уходила?

Пастор с нескрываемой жалостью смотрел на девушку. Он понимал: её разум, защищаясь от невыносимой реальности, пытается стереть случившееся. Единственная опора, её дом, превратился в пыль, и душа Ниагары отказывалась принимать этот факт. Он бережно взял её за руки, усадил обратно и, заглянув в её перепуганные глаза, произнёс тихо и твердо:

— «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя». (Исаия 43:2)

При этих словах Ниагара закрыла глаза. Горькие слёзы хлынули из её прекрасных глаз, скатываясь по щекам. В этот момент она перестала бороться с реальностью: она осознала, что дома больше нет. Нет ни писем, ни фермы, ни прошлого. Она чувствовала себя маленьким, беззащитным ребенком, потерявшим родителей.

Рудри хотел отойти, дать ей побыть наедине со своим горем, но Ниагара — теперь уже тихо и мудро, без прежней истерики — спросила:

— Рудри, скажи... кто привез меня сюда после того, как я потеряла сознание?

— Запах гари и само зарево пожара были видны от стен храма, — ответил пастор. — Когда люди закричали, что горит дом господина Дотура, я побежал туда. Я боялся, что ты внутри. Когда я прибыл, ты уже была в руках у старого работника твоего отца. Я был счастлив, что ты жива, но сердце обливалось кровью, глядя, как пылает твоя жизнь. Я поднял тебя и привез сюда, в безопасное место. Ниагара, пойми: сожгли не только дом, но и ферму. Тот, кто это сделал, был уверен, что ты внутри. Тебя пытались убить.

Ниагара больше не дрожала. Страх сменился ледяным спокойствием человека, которому больше нечего терять.

— Но за что? — прошептала она. — Что моя семья сделала им? Почему нас уничтожили до последнего камня? Кто это, Рудри?

Пастор тяжело кивнул, его взгляд стал суровым:

— Тот, кто совершил это, не остановится. Если он узнает, что ты выжила, он непременно вернется, чтобы закончить начатое. Ты в смертельной опасности, Ниагара.

Глава 14

Прошло два дня. Ниагара всё это время была словно в забытии: каждый её вдох был пропитан горечью, а мысли не давали покоя. Она чувствовала себя обузой, и единственным светлым пятном в этом мраке оставался пастор Рудри.

Наконец, собрав остатки сил, она умылась и облачилась в простое, тонкое белое платье, которое дала ей служительница. В этом скромном наряде Ниагара казалась ещё более хрупкой, но в её глазах уже не было того безумия — лишь холодная решимость. Она направилась в кабинет пастора.

— Рудри, я больше не могу оставаться здесь, — начала она, стараясь говорить твердо. — Моё присутствие навлечет на вас беду. Вы человек от Бога, вы уже спасли мне жизнь, и я бесконечно благодарна вам...

Пастор перебил её, мягко покачав головой:

— Ниагара, даже не думай об этом. У тебя не будет проблем, живя здесь. Это дом Господа, и мы рады каждому, кто ищет приюта, тем более что твой отец долгие годы поддерживал нас своими щедрыми пожертвованиями. Ты здесь не обуза, а гостья.

В этот миг дверь тихо отворилась. Вошла служительница, и её лицо было серьезным:

— Госпожа Ниагара, к вам посетитель. Он настаивает на встрече.

Рудри вскинул брови, в его голосе прозвучали тревожные нотки:

— Я же просил не впускать никого без моего ведома! Её жизнь висит на волоске, мы не знаем, кто это может быть...

Служительница ответила лишь одно имя:

— Его зовут Адам.

Лицо Ниагары осветилось проблеском надежды.

— Стойте! Рудри, это мой знакомый, мы вместе учились в Уитби! Я же рассказывала вам — именно он передал мне последние письма сестры. Когда всё началось, он исчез, и я не могла его найти. Видимо, он узнал о пожаре и выследил меня здесь.

Не дожидаясь ответа, Ниагара поспешила вниз, по лестнице, в полумрак храма, где её ждал человек из прошлой жизни.

Глава 15

Ниагара сбежала по лестнице, и при виде Адама её сдержанность рухнула. Она бросилась к нему, уткнувшись лицом в его плечо, и дала волю рыданиям. Адам осторожно прижал её к себе, его голос звучал глухо:

— Прости меня... Ты прошла через сущий ад, пока меня не было. Семейный конфликт заставил меня уехать, я был слеп и эгоистичен. Вчера, когда до меня дошли вести о пожаре, я бросился к твоему дому... Знакомые твоего отца направили меня сюда. Ниагара, прошу, расскажи — ты видела кого-то?

Она отстранилась, вытирая слезы, и в памяти всплыл тот зловещий образ:

— Да... я видела черную машину. Знакомый силуэт...

Её слова прервал голос пастора Рудри, который спускался по лестнице:

— Господин Адам? Это действительно вы?

Мужчины обменялись сухими приветствиями. Рудри внимательно изучал гостя:

— Давненько вы не переступали порог нашего храма. Ваш отец, господин Абей, — постоянный гость, он так помогает церкви, а вот вас мы не видели давно. Даже ваш старший брат, Ааран... — пастор нахмурился, — помню, он был ярым атеистом, открыто поносил веру. Я опасался, что и вы пошли по его стопам, забыв о Господе.

Адам сдержанно ответил:

— Господин Рудри, всё не так. Учеба в Уитби отняла у меня много времени. А когда вернулся... между мною и отцом возникли разногласия. Я приходил сюда лишь в те часы, когда знал, что его здесь не будет.

— Ох уж эта семейная идиллия, — с горькой усмешкой бросил пастор.

Ниагара, не обращая внимания на их пикировку, продолжала свою мысль, глядя в пустоту:

— Адам, я никак не пойму... Кому была выгодна гибель моей семьи? Отца все уважали, он был учителем, мудрецом, у нас не было врагов. Поджигателю не нужен был наш дом и не нужна была ферма — он уничтожил всё, не оставив ни камня на камне. Словно он стремился стереть само наше существование, выжечь память о нас из этого мира. Чего же он хотел на самом деле? Какой страшный секрет хранила наша семья, если ценой за него стали наши жизни?

Разговор прервала служительница, вбежавшая в зал с телеграммой в руках:

— Господин Рудри, срочное сообщение! В другом приходе на юге случилась беда, вас умоляют о помощи... немедленно.

Рудри пробежал глазами текст, и его лицо помрачнело. Он посмотрел на Адама и Ниагару:

— Мне нужно ехать. Не знаю, сколько времени я там пробуду. Ниагара, послушай меня: этот храм — место Божье, здесь ты в безопасности. Не делай ни шагу из этих стен, пока я не вернусь.

Он смотрел на неё с такой тоской и беспокойством, что Ниагара невольно вздрогнула. Пастор распорядился, чтобы ей доставили всё необходимое, и, коротко попрощавшись, стремительно вышел.

Когда эхо его шагов затихло, Ниагара повернулась к Адаму. В её глазах горел новый огонь:

— Я не могу так жить, Адам. Я не стану обузой. Этот дом Господа — приют для страждущих, а не место для тех, кто прячется от реальности. Я должна найти того, кто уничтожил моих родных, я не оставляю это просто так. Раньше, когда я была счастлива, я даже не задумывалась о Боге, а теперь, когда я на дне, Он дал мне защиту... Но мой долг перед родителями —

добиться справедливости. Я должна начать жить самостоятельно. Я не могу больше есть хлеб, купленный на пожертвования прихожан. Моя совесть не позволит мне просто ждать, пока кто-то другой решит мою судьбу.

Глава 16

Они стояли посреди пепелища. Там, где когда-то звенел детский смех и пахло уютом, теперь царило безмолвие, пропитанное едким запахом гари. У Ниагары больше не осталось слез — всё выгорело внутри, оставив лишь холодную пустоту.

— Ниагара, вспомни, — тихо спросил Адам, оглядывая руины. — В письмах, которые ты читала, не было ли хоть намека на имя или происхождение того человека? Руш не писала, откуда он прибыл?

— Ничего, Адам, — она покачала головой. — Она была ослеплена любовью. Знала лишь псевдоним — «Валет».

Адам нахмурился, вглядываясь в дымный горизонт.

— «Валет»... Это лишь карта, маска. Моя семья владеет здесь едва ли не каждым клочком земли, и я бы знал, если бы в наших краях объявился новый влиятельный аристократ. Если бы кто-то с таким состоянием действительно приехал, мы бы узнали об этом первыми. Может, это был искусный обманщик?

— Нет, — отрезала Ниагара. — Он не хотел нашего богатства. Он не тронул документы, которые были у Руш. Он хотел стереть нас из истории. Это не грабеж, это казнь.

Она сделала шаг в сторону — туда, где когда-то был сад, и вдруг заметила странный отблеск в пепле. Нагнувшись, она подняла увесистый перстень, чудом уцелевший в огне.

— Адам, посмотри! Это улика. Я найду хозяина этого кольца, и поверь, он ответит за всё.

Адам взял находку в руки, и его лицо побледнело. Он сравнил её со своим собственным перстнем — они были поразительно похожи по стилю, исполнению и массивности камня.

— Ниагара... это очень дорогое украшение. Такие носят лишь люди из высшего круга, и, возможно, даже не из наших мест.

— Но размер... — Ниагара задумчиво посмотрела на кольцо. — Такой перстень не надешь на первую попавшуюся руку. Значит, круг сужается.

Они молча двинулись прочь от пепелища. Адам нарушил тишину:

— Ниагара, поезжай ко мне. Мой отец настаивает на моем возвращении во дворец, и я должен успеть на ужин с ним и его друзьями-аристократами. Мой брат Ааран сейчас в отъезде, так что дом в твоём распоряжении. Я уже распорядился, чтобы тебе доставили одежду, ведь у тебя ничего не осталось. Возьми ключи.

— Адам, это слишком большое одолжение... Я буду работать, я всё оплачу, — начала она, но он перебил её жестом:

— Зачем нужны друзья, если нельзя помочь в беде? Живи у меня, отдыхай. В библиотеке тысячи книг, если станет одиноко — там есть фортепиано и скрипка. А что касается денег... Ниагара, ты пишешь прекрасные стихи и рассказы. Они не хуже Шекспира. Мы подготовим их к печати — ты начнешь зарабатывать своим талантом, и твоя совесть будет чиста.

Он протянул ей записку с адресом:

— Если что-то случится — отправляй телеграмму. Я получу её максимум через час и тут же буду у тебя.

Глава 17

Вечер был холодным и прохладным. Ниагара сидела в чужом доме, в руках перо, и она излагала свои мысли и чувства на бумаге. Она была словно птица в клетке, запертая в своих мыслях, в настоящем тупике. Столько всего навалилось на неё — она писала, и постепенно её записи превращались в настоящую повесть о её непростой жизни.

Вдруг электричество погасло. Раньше она боялась всего, даже малейшей темноты, но сейчас, пройдя через столько испытаний, ей не были страшны даже «настоящие монстры». Когда человек проходит через глубокую боль, страх просто исчезает. Она встала, подошла к шкафу, взяла лампу и зажгла огонь.

Затем она посмотрела на фортепиано, открыла его и стала играть. Она была в белом тонком платье, её рыжие волосы до плеч прикрывали невинное лицо. Сильный ветер рвался в открытое окно, но даже он не мог заглушить её прекрасную, громкую и глубокую игру.

В этот момент мимо дома проезжала черная машина. Это был Ааран, брат Адама. Тот самый человек, который несколько дней назад спас Ниагару от голодных псов, а потом так грубо её оскорбил. Услышав чарующие звуки фортепиано, даже несмотря на сильный ветер, он остановился. Он был удивлен: он знал, что Адам не умеет играть так красиво. Ааран вышел из машины, подошел к порогу и замер. Он никогда не слышал такой нежной, пропитанной болью игры.

Ааран открыл дверь и увидел картину, от которой захватило дух: полумрак, освещаемый лишь слабым светом лампы, и она — хрупкая, с закрытыми глазами, играющая с такой самоотдачей, словно вокруг не существовало мира. Она была настолько погружена в музыку, что даже не заметила, как он вошел. Но тут электричество внезапно включилось, свет залил комнату, и музыка оборвалась.

Ниагара открыла глаза и встретила взгляд Аарана. Она вскочила, схватила шаль, чтобы прикрыть плечи, и в испуге отступила назад.

— Кто вы? Как вы сюда пробрались? Что вам нужно? Если вы вор, то предупреждаю: я здесь гостя, у него дома кроме книг и инструментов ничего нет!

Ааран, суровый, невысокий, с крепким телосложением, подходил всё ближе. Его вид внушал страх.

— Не подходите, иначе... — прошептала Ниагара.

— Иначе что? — грубо и со злостью ответил он. — Кого ты называешь вором, глупая женщина? Я владелец этого дома! Был бы я вором — у меня не было бы ключа. Как ты посмела назвать хозяина столь большого имущества вором?

Ниагара узнала его. Тот самый невежественный человек, который унизил её на дороге. Страх вдруг исчез.

— Так это снова вы? Тот самый невоспитанный человек, который унизил меня?

Ааран от злости не знал, что делать.

— Такие, как вы, валяются поздно ночью на улицах, а потом пробираются в дома аристократов! Может, мой брат Адам наивен, но я вижу вас насквозь. Вы воровка, узнали, что хозяин уехал, и пробрались через окно, как крыса!

— Как вы смеете?! — Ниагара впервые в жизни вышла из себя. Она подняла руку, чтобы ударить его, но он перехватил её бледную, нежную руку. Он сжал её так сильно, что ей стало больно, и притянул к себе. Он смотрел ей прямо в глаза, а в её взгляде разгоралась ненависть.

Она оттолкнула его:

— Если бы я знала, что вы здесь будете, и что у моего друга такой ничтожный брат, я бы даже не вступила за порог этого дома!

— Так что вас держит? Возьмите вещи и убирайтесь! — прокричал он, выгоняя её в такую холодную ночь.

Ниагара начала собирать вещи и вышла. Она шла по дороге и думала: каким же бесчувственным камнем нужно быть, чтобы выгнать женщину в такой поздний час, не задумываясь об опасности? Ааран вышел следом, глядя ей в спину. Он задумчиво хмурился: «Почему мне кажется, что я видел её где-то еще, кроме той ночи с собаками?». Но он так и не смог вспомнить.

Ниагара добралась до храма и застучала в двери. Служительница открыла, обняла её и, увидев её состояние, не стала задавать лишних вопросов. Ниагара рассказала всё, и служительница, успокоив её, уложила спать, решив, что разговор о случившемся лучше отложить до утра.

Глава 18

Было десять часов утра, когда Ниагара открыла глаза. Прямо перед ней, в кресле, сидел Адам. Она вскочила, прижимая одеяло к груди:

— Адам! Ты здесь? Что ты делаешь в храме так рано?

Адам тяжело вздохнул, в его глазах читалась тревога:

— Это я должен спросить, что ты делаешь здесь, Ниагара. Я приехал к себе утром, надеясь застать тебя за завтраком, но дом был пуст. Почему ты ушла? Тебе не понравился мой приют? Тебе было страшно одной?

Ниагара отвела взгляд. Она поняла, что Ааран ничего не рассказал брату — видимо, для него это было лишь досадным инцидентом с «бродяжкой». Ей не хотелось становиться причиной раздора между братьями, и она тихо ответила:

— Адам, вчера отключили электричество... Мне стало не по себе в огромном пустом доме, и я вернулась в привычные стены храма. Прости, я не хотела тебя волновать. Спасибо тебе за всё.

Адам мягко улыбнулся и протянул ей руку:

— Вставай, умойся и собирайся. Нам нужно кое-куда сходить. Сегодня я хочу, чтобы тебе поправили причёску, сделали легкий макияж и выбрали платье — такое же прекрасное, как ты сама.

Ниагара замерла, её лицо омрачилось:

— О чем ты говоришь, Адам? У меня такое горе, пепел еще не остыл на руинах моего дома, а ты думаешь о нарядах? Я не приму этого.

— Послушай меня, — Адам стал серьезным. — Сегодня в Grand Boardroom, в самом величественном зале Йорка, состоится грандиозный аристократический маскарад. Ты должна поехать со мной. Это твой единственный шанс оказаться среди элиты, увидеть всех аристократов разом. Возможно, именно там ты встретишь Валета. И... возьми с собой перстень. Вдруг сегодня ты найдешь его владельца?

Слова о перстне повлияли на Ниагару как призыв к бою. Она кивнула. Это был великолепный шанс.

Через несколько часов в лучшем салоне города Ниагара преобразилась. На ней было роскошное алое платье с глубоким декольте, подчеркивающим её белизну кожи. Рыжие волосы уложили крупными, блестящими кудрями, а нежный макияж подчеркнул её необычные черты лица. Когда она вышла к Адаму, тот замер в восхищении. Сегодня на карнавале все взгляды будут прикованы только к этой паре.

По дороге в Grand Boardroom Адам рассказывал:

— Этот зал — сердце железнодорожной элиты. За длинными дубовыми столами будут сидеть промышленники и лорды. Оркестр, шампанское, фазаны... На входе всем выдадут маски, так что интрига сохранится до конца вечера.

— А твои родные... они будут там? — голос Ниагары дрогнул. Перед глазами снова всплыло лицо Аарана.

— Однозначно, — ответил Адам. — Наша семья приглашена первой.

Ниагара промолчала, скрывая правду о ночном инциденте. Она не хотела подставлять Адама под удар гнева его брата.

Когда они вошли в роскошный зал, наполненный светом тысяч свечей и звоном хрусталя, музыка оркестра на мгновение показалась Ниагаре фоном для шепота, который пробежал по толпе. Им выдали маски, но они пока не спешили их надевать. Все смотрели на Адама — сына великого господина Абея, чей авторитет был непоколебим. Но еще больше взглядов было при-

ковано к его спутнице. Красота Ниагары, её огненные волосы и безупречная фигура затмили всех дам в зале.

За их спинами тут же начались пересуды. «Кто она? Какого происхождения? Неужели Адам осмелился нарушить кодекс отца и привел безродную красавицу?». Ведь господин Абей славился своей железной дисциплиной, и его семья всегда была верна ему, как преданные псы. Но Ниагара не слышала этого — её рука крепко сжимала сумочку, в которой лежал тяжелый золотой перстень...

Глава 19

В залу вошла семья Адама, и воздух вокруг них, казалось, похолодел. Впереди шел господин Абей, опираясь на трость и заметно прихрамывая. Рядом с ним, со своим неизменно мрачным и холодным лицом, шагал Ааран. Мать Адама на их фоне казалась тихой и простой, но за ними следовала истинная королева этого вечера — госпожа Сюзанна. Именно этой волевой женщине семья была обязана своим колоссальным богатством, и её взгляд был еще более суровым и тяжелым, чем у Аарана.

Ниагара в это время скрылась в дамской комнате, сражаясь с неудобным, хотя и великолепным, алым платьем. Адам поспешил навстречу родным. Ааран, завидев брата, внутренне приготовился к ссоре — он был уверен, что Ниагара уже пожаловалась на ночной инцидент. Но Адам, сияя, обнял брата. «Значит, смолчала», — пронеслось в голове Аарана. Он всегда считал женщин лишь источником сплетен и раздоров, и эта тишина его озадачила.

В зале вспыхнули тысячи огней. Организатор объявил время масок. Ниагара, надев свою изящную маску, вышла в коридор. Спускаясь по величественной лестнице, она на мгновение потеряла равновесие — каблук скользнул по лакированному дереву. Она уже приготовилась к позорному падению под ноги танцующей толпе, но чья-то сильная рука перехватила её.

Это был Ааран. Он снова рывком притянул её к себе. Через прорези масок их взгляды встретились, и в этот миг время замерло. Их сердца забились в унисон, создавая странный, пугающий и прекрасный ритм.

— Благодарю... вы спасли меня от позора, — прошептала Ниагара, отстраняясь.

— Не стоит благодарности, миледи, — прозвучал знакомый грубый голос. — Лучше научитесь ходить, не спотыкаясь. Вы, женщины, даже в таких местах не можете ступить шагу без происшествий.

«Боже, снова он...» — пронеслось в голове Ниагары. Она поспешила скрыться в толпе, не оборачиваясь, лишь бы он не узнал её под маской. Поиски Адама завели её на террасу.

Там, за кованой оградой, она услышала приглушенный плач. Девушка умоляла и проклинала мужчину: «Я беременна, а ты бросаешь меня! Ты обещал жениться!». Ответ мужчины был ледяным: «Молчи! Сделай аборт, или я уничтожу тебя и твою репутацию».

Ниагару словно ударило током. Образ её сестры Руш, её боль и позор вспыхнули перед глазами с новой силой. Воздуха стало не хватать, корсет платья нещадно сдавил грудь. Перед глазами всё поплыло, и Ниагара без чувств осела на холодный пол террасы.

Те двое поспешно скрылись, но на террасу вышел Ааран, решивший выкурить дорогую папиросу в тишине. Увидев лежащую женщину, он бросился к ней. Проверив пульс, он сорвал с неё маску и замер. Снова она. «Бродяжка» Адама.

Через несколько минут Ниагара открыла глаза. Прямо над ней, окутанный дымом папиросы, стоял её мучитель.

— Наконец-то наша бродяжка пришла в себя, — насмешливо произнес он. — Что же вы здесь потеряли, мисс? Как мой наивный брат умудрился притащить вас в это общество?

Ниагара медленно поднялась, и в её голосе зазвучала сталь, какой Ааран еще не слышал:

— Господин Ааран, не будь вы братом моего единственного друга, я бы давно указала вам ваше место. Но моё воспитание не позволяет мне опускаться до вашей подлости.

Она говорила так красиво и складно, словно читала поэму собственного сочинения. Ааран продолжал курить, но в глубине души был поражен её достоинством.

— Ваши дешевые речи меня не интересуют, — бросил он.

— Я не бродяжка! — воскликнула она. — Я мисс Ниагара Вуд. Возможно, я не из семьи лордов, но мой отец, господин Дотур, был честнейшим человеком. Его называли учителем и мудрецом, и он был выше любого из тех аристократов, что собрались в этом зале!

Ааран замер. Дым застыл у него во рту, а взгляд стал пронзительным и странным. Он остоленел, словно имя «Дотур» было ключом к какой-то тайне, которую он хранил глубоко внутри. Почему он так потерялся в своих мыслях? Что он знает об её отце?

Глава 20

В зале царила атмосфера светского триумфа, когда к ним направилась госпожа Сюзанна. Весь зал затих, наблюдая за этим патриархом семьи Абей.

— Дорогой внук, — её голос был подобен звону лезвий, — кто эта прекрасная дама? Познакомишь ли ты нас?

Ниагара, стараясь сохранить достоинство, ответила:

— Приветствую вас, госпожа Сюзанна. Я — Ниагара. Мы с Адамом учились вместе в Уитби. Тогда мы не были близки, но судьба свела нас вновь, и теперь мы лучшие друзья.

Сюзанна изучала её холодным, цепким взглядом, который пробирал до костей. В этот момент заиграла музыка, и Адам пригласил Ниагару на танец. Но едва они вышли в центр зала, как Адам был перехвачен одной из знакомых дам, и Ниагара на мгновение осталась одна среди кружащихся пар.

Тень легла на её лицо — перед ней вырос Ааран. Он не спросил разрешения — он просто взял её за руку, и их тела пришли в движение.

— Почему вы промолчали? — прошептал он, едва сдерживая ярость. — Почему вы не донесли брату, что я выгнал вас вчера ночью? Мой наивный брат всё еще не в курсе, или вы просто боитесь последствий?

— Хватит, — отрезала Ниагара, глядя ему прямо в глаза. — Я промолчала лишь потому, что не хочу раздора между братьями.

— Какая «святая» мисс Ниагара Вуд, — усмехнулся он. — Но не стройте из себя мученицу. Мне не страшны ваши угрозы.

— Какой же вы высокомерный и наглый человек, господин Ааран! Вы с братом — как небо и земля.

— Можно сказать, мы как Каин и Авель, — парировал он, сжимая её руку крепче. — Но вам никогда не узнать, кто из нас кто.

— Глядя на ваше поведение, мне совсем не трудно это понять, — парировала она.

Сюзанна, наблюдая за ними с бокалом вина, была в смятении. Она привыкла бояться того, что Адам приведет в дом «не знатную» особу, но сейчас её беспокойство удвоилось: Ааран, который всегда презирал танцы и сторонился женщин, не сводил глаз с Ниагары, словно она была единственным человеком в зале.

Тем временем Ниагара танцевала, но её глаза лихорадочно сканировали руки мужчин. Она искала перстень.

— Что такое, мисс Вуд? — насмешливо спросил Ааран. — Танцуете со мной, а смотрите на других? Мы с Адамом уже не в вашем вкусе?

С презрением оттолкнув его, Ниагара покинула круг. Она чувствовала себя потерянной. «Боже, — пронеслось в голове, — а что если тот негодяй на террасе и есть Валет? Что если он снова ищет новую жертву?»

Она бросилась обратно на террасу, надеясь найти хоть след той плачущей девушки. Но когда она выбежала на холодный воздух, картина, представшая перед ней, заставила её замереть. Адам стоял там, окруженный своей знакомой и госпожой Сюзанной. Они о чем-то горячо спорили, но, заметив Ниагару, разом замолчали. Воздух между ними стал тяжелым, как свинец.

Глава 21

Вечер подошел к концу. Поток роскошных экипажей и машин растекался по ночному Йорку. Адам так и не успел познакомить Ниагару с остальными членами своей могущественной семьи — суета и тяжелые взгляды Сюзанны помешали этому.

Они ехали в машине молча. Ниагара смотрела в окно на пробегающие мимо огни, погруженная в свои невеселые думы. Заметив её печаль, Адам мягко спросил:

— О чем ты так грустишь, Ниагара? Тебе совсем не понравился вечер?

— Адам, такие празднества никогда не прельщали меня, — тихо ответила она. — Я ехала туда с единственной надеждой: встретить врага, найти того, чьи пальцы когда-то сжимали золотой перстень. Но чуда не произошло. Разгадка ускользнула от меня, и сердце моё разбито. Кажется, этот вечер был последней надеждой, и я её упустила.

— Не вини себя, — Адам покачал головой. — Там было слишком много людей, в таком хаосе сложно найти того, кто привык прятаться в тени.

— Кстати, Адам... — Ниагара внимательно посмотрела на него. — Почему твоя знакомая, Анна, выглядела такой расстроенной? Когда я вышла на террасу, вы с миссис Сюзанной замолчали. Я перебила вас?

— О, нет, что ты... — Адам замялся. — Анна — моя старая знакомая. Её история печальна: один человек из нашего круга обманул её, обещал жениться, а когда она забеременела — бросил. Видимо, нашел себе другую пассию.

— Какой мерзавец! — возмутилась Ниагара. — Значит, это их разговор я слышала на террасе. Я даже подумала... не Валет ли это? Ведь с моей сестрой Руш поступили точно так же.

— Нет, Ниагара, это точно не он, — поспешно перебил её Адам. — Мы с тем человеком выросли вместе. Его не было в городе, когда случилась трагедия в твоём доме.

— Вот как... Жаль Анну. Надеюсь, она примет мудрое решение. Нельзя рожать от таких нелюдей.

Наступила долгая пауза. Адам крутил руль, вглядываясь в темноту.

— Куда мы едем? — спросила Ниагара.

— В мой дом, — коротко ответил он.

— Адам, я не хочу туда! Мне кажется, в храме безопаснее...

— Послушай, тебе больше нечего бояться. Я договорился с женщиной, она будет работать у меня служанкой. Ты не останешься одна.

Ниагара глубоко вздохнула. Ей не хотелось говорить, но скрывать правду стало невозможным:

— Адам, я не хотела говорить, чтобы ты не расстраивался, но вчера... Вчера внезапно приехал твой брат Ааран. Он застал меня там.

Адам резко сжал руль:

— Так вот почему ты сбежала в храм среди ночи! Он выгнал тебя, да? Мой суровый брат, который считает женщин слабыми и глупыми, просто выставил тебя за дверь?

— Всё было не совсем так... Он не знал, кто я, а я приняла его за вора и начала оскорблять. Он ответил мне тем же, и я ушла сама.

— Я знаю своего брата лучше, чем ты, — отрезал Адам. — Можешь не оправдывать его. Ты будешь жить у меня с прислугой. Если хочешь, чтобы я и дальше помогал тебе в твоём деле — не отказывай мне в этом.

Ниагара замолчала, и это молчание было знаком согласия. В доме их уже ждал горячий ужин. Прислуга суетилась вокруг, стараясь угодить госте.

— Зачем вы утруждаете себя так поздно? — спросила Ниагара женщину.

— Ты не ела с самого утра, — ответил за неё Адам. — Тебе нужны силы. А мне пора домой.

Прощаясь, Ниагара взяла его за руку:

— Адам, если наша дружба тебе дорога, пожалуйста... не ссорься с братом из-за меня.

— Хорошо. Береги себя, завтра поговорим.

Адам рванул с места на большой скорости. Он ехал к дворцу, вцепившись в руль, напряженный и мрачный, словно за его спиной гнались призраки. Когда он затормозил у парадного входа, он увидел картину, от которой по спине пробежал холодок. На пороге, освещенные светом фонарей, его ждали все: властная Сюзанна, хромающий господин Абей и Ааран, чье лицо в тени казалось каменным.

Глава 22

Едва Адам ступил на порог, как тяжелая атмосфера дома сдавила ему грудь.

— Я смертельно устал, — бросил он, не поднимая глаз. — Я знаю, зачем вы здесь. Поговорим завтра.

— Адам! — Громовой голос господина Абея заставил его замереть на месте. — Здесь и сейчас!

Адам медленно обернулся. Страх перед отцом, живший в нем с детства, сковал движения.

— Что вы от меня хотите? — глухо спросил он.

Сюзанна сделала шаг вперед, её глаза сверкали холодным гневом:

— Как ты посмел быть таким беспечным? Что скажут люди, когда узнают? Ты втайне встречался с Анной, дочерью нашего ключевого партнера, обещал ей брак, а когда она забеременела — бросил её! Если её отец узнает об этом позоре, ты понимаешь, что нас ждет?

— Будет кровопролитие, — жестко добавил Ааран, чей силуэт в дверном проеме казался карающей тенью. — И нашему партнерству придет конец. И всё благодаря нашему «ловеласу», который уже нашел себе новую жертву и притащил какую-то бродяжку на маскарад!

Абей вскипел от ярости:

— Адам! Что ты творишь? Мало тебе скандала с Анной, так ты еще и в добавок хочешь связаться с безродной простушкой?!

Сюзанна смотрела на внука с горьким разочарованием:

— Ты на пороге позора, Адам. И всё ради кого?

Ааран подошел к брату вплотную, глядя ему прямо в глаза, а затем обернулся к остальным. В его голосе прозвучал лед:

— Она не просто простушка. Она дочь нашего покойного врага, Дотура Вуда. Её зовут Ниагара.

В воздухе повисла мертвая тишина. Сюзанна и Абей застыли, пораженные этим именем, словно привидение из прошлого вошло в их дом. Адам смотрел на брата и понимал: Ааран знает всё. Он раскрыл его тайну, но он всё еще не догадывается об истинной цели Адама. О том, почему он на самом деле помогает Ниагаре и как близко она подобралась к правде.

Глава 23

В зале воцарилась тяжелая тишина. Адам смотрел на своих родных и внезапно рассмеялся — это был холодный, торжествующий смех человека, который вел свою игру.

— Когда я уехал в Уитби по приглашению друга, я познакомился с Ниагарой, — начал Адам. — Я не знал тогда, что она дочь Дотура. Мы виделись редко: она играла на скрипке, я занимался живописью. Но однажды её не было на уроках. Моему другу нужен был оркестр, и он предложил Ниагаре выступить перед аристократами, чтобы получить стипендию и работу во Франции. Он отправил меня к ней домой.

Адам сделал паузу, обводя взглядом Сюзанну и Абей.

— Хозяйка дома открыла мне и сказала: «У бедной погибла вся семья, она уехала в Йорк». Я был поражен! Ведь бабушка Сюзанна звонила мне в Уитби и рассказывала всё: как вы справляетесь с врагами, как погибла семья Вуда. Я спросил хозяйку: «Может, я могу помочь? Я тоже из Йорка». Она подтвердила, что Ниагара — дочь Вуда. Тогда я забрал её вещи и письма её сестры Руш. Ниагара их не читала, и в них не было ни слова о нашей вражде или о нас.

Адам с ухмылкой взглянул на брата:

— Кстати, дорогой брат, мог бы придумать прозвище получше, чем какой-то «Валет»?

Он продолжил:

— Я приехал в Йорк, но не искал её, я был занят Анной — вы же знаете, когда я влюблен, я забываю обо всём. Но судьба сама привела Ниагару в мой гостевой дом, где мы раньше бывали с Анной. Она была растеряна, искала правду. Чтобы вывести всё у неё, я отдал ей письма. Я знал, что там она ничего не найдет, кроме истории о влюбленности и беременности сестры.

Господин Абей, услышав это, помрачнел:

— Из-за этого упрямого и честного Дотура пострадали его же дети, как когда-то страдала его младшая сестра...

Абей вспомнил, как сестра Дотура была влюблена в него. Они встречались, но он не мог жениться на ней — она не была ему равной. Сюзанна женила его на другой, и несчастная женщина покончила с собой от горя. С того дня Дотур возненавидел их. Спустя годы он нашел компромат на черные дела семьи Абей, который мог их погубить.

— Чтобы уничтожить улики, мне пришлось уговорить Аарана играть в любовь с Руш, — признался Абей. — Мы хотели, чтобы она забеременела от «Валета» и принесла документы дома и фермы в обмен на брак. Но план провалился. Руш как-то догадалась обо всём. Мы так и не нашли предателя, который ей всё рассказал.

Ааран заговорил, его голос был сухим:

— В тот день Руш бросилась в реку. Когда я вытащил её, она была мертва. Я взял её тело и поехал к Дотуру. Я положил мертвую дочь перед его глазами. Его жена в это время стояла позади меня, она просто остолбенела от ужаса, увидев своего ребенка... Я бросил бумаги и пригрозил: если он не отдаст улики, завтра все газеты напишут о позоре его дочери и о том, что она убила себя. Дотур был уничтожен, в слезах, в полном смятении. Он кинулся к столу — я думал, за документами, но он выхватил оружие и выстрелил в меня. Я стрелок, я увернулся... и пуля попала прямо в его жену. Она погибла на месте. Дотур даже не заметил меня, он бросился к ней. Я ушел, и через три шага услышал второй выстрел. Он не выдержал позора, смерти дочери и убийства жены. Мои руки не в крови. Дотур сам себя утробил.

Ааран добавил:

— Я не знал, что Ниагара его дочь, но узнал, что она вернулась. Поэтому Сюзанна предложила поджечь дом, чтобы она не нашла тот компромат.

Адам снова громко рассмеялся:

— Братец, ну ты даешь! Ты смеялся надо мной из-за «бродяжки», а сестра этой бродяжки носила твоего ребенка!

— Ты думаешь, я бы прикоснулся к этой грязи? — перебил Ааран. — Нет, Адам. В тот вечер я подсыпал ей снотворное в вино и позвал в её спальню сына слуги. Она забеременела от него. Когда узнала правду — покончила с собой.

— Вау, брат, молодец! — Адам хлопнул в ладоши. — И кстати... ты потерял свое кольцо, когда поджигал дом. Ниагара его нашла. Но пока она спала в храме, я заменил перстень на другой, чтобы она по твоим пальцам не узнала хозяина.

Абей подошел к Адаму и обнял его:

— Я не сомневался в тебе. Ты толковый сын. Но дело с Анной не простительно: либо женись, либо заткни её так, чтобы отец не узнал.

Сюзанна молчала. Она смотрела на Адама и думала: «Лишь бы он не попался в сети любви». Ведь на маскараде он смотрел на Ниагару совсем другим взглядом...

Ааран уже собирался уйти, но на пороге обернулся, прищулив свои холодные глаза:

— Адам, а где сейчас Ниагара?

— В моем доме, — спокойно ответил Адам. — Что такое, брат? Ты ведь сам её выгнал, но, как видишь, она снова согласилась вернуться ко мне.

Ааран презрительно хмыкнул:

— Значит, эта «невинная святоша» всё-таки не удержалась и донесла тебе о той ночи? Неудивительно, я знал, что она всё расскажет. И вообще, Адам, зачем она тебе? У неё ничего нет, компромат сгорел дотла вместе с домом. Её история закончена. Вышвырни её вон, и забудем об этом навсегда.

Лицо Адама оставалось невинным, но в его глазах блеснул такой зловеющий ум, что даже Ааран на мгновение замер.

— Дорогой братец, — мягко произнес Адам, — ты, видимо, забыл, что среди нас есть предатель. Тот самый, кто доложил всё Руш и испортил ваши идеальные планы. Говорят же: держи друзей близко, а врагов — еще ближе. Мы подождем месяц или два. Если всё будет тихо и предатель не проявит себя, я сам попрошу её вернуться в Уитби. Она там приживется, а у нас больше не будет проблем.

Сюзанна медленно подняла бровь, оценивающе глядя на внука:

— Хорошая идея, Адам. Ты не такой уж невинный, каким хочешь казаться. Но зачем ждать так долго, если можно спровадить её в Уитби поскорее?

Господин Абей, до этого хранивший молчание, тяжело кивнул:

— Я думаю, Адам поступил правильно. Если через время предатель не объявится, мы будем в безопасности.

— И кстати, — добавил Адам с ледяной ухмылкой, — я отправил туда нашу прислугу. Она будет следить за каждым шагом Ниагары и докладывать мне обо всём, что она делает или находит.

— Похвально, сынок, — господин Абей подошел и похлопал его по плечу. — Я доволен твоим планом. И буду доволен еще больше, когда ты так же расчетливо решишь проблему с Анной...

Сюзанна промолчала, но её тревога не исчезла. Она видела, как Адам искусно оправдывает присутствие Ниагары в своей жизни, превращая её в «инструмент» для поимки предателя. Но она всё еще помнила тот взгляд, которым он смотрел на дочь врага на маскараде. Взгляд, в котором было слишком много огня для простого «наблюдателя».

Дом погрузился в тяжелый сон, и каждый член семьи Абей разошелся по своим покоям. Ааран, войдя к себе, резким движением сбросил пиджак. Из кармана на пол выскользнул измятый листок. Это было то самое стихотворение Ниагары, которое он нашел у дома брата несколько недель назад. Тогда он не смог его выбросить, и сейчас, перечитывая строки, почув-

становал странное, пугающее умиротворение. Он всё еще не мог до конца осознать, что эти нежные слова принадлежат дочери их злейшего врага.

Он сел за свой массивный деревянный стол, взял перо, и слова сами потекли на бумагу. Вдохновение, которое посещало его крайне редко, нахлынуло внезапно, вызванное образом женщины в маске.

В безумном ритме масок и огней,
Я вел тебя, не зная, кто ты есть.
Среди фальшивых лиц и злых теней
В твоих глазах прочла обиду месть.

Твой пульс под кожей — словно дробь копыт,
Мы в танце замерли над бездной роковой.
Пусть разум мой тобой давно забыт,
Но в этот миг я болен лишь тобой.

Закончив писать, Ааран вздрогнул. Он сам был удивлен: он писал стихи только тогда, когда что-то по-настоящему тревожило его нутро. Внутри него бушевала гроза. Ярость от того, что Ниагара снова вернулась в дом, откуда он её с позором выгнал, смешивалась с непонятным влечением.

Ааран, этот грубый и высокомерный человек, никогда не знал языка любви. Он презирал привязанность, считая её слабостью. Глядя в окно на ночной Йорк, он прошептал свою горькую истину:

«Женщина — это лишь красивая обертка для яда: она ослепляет блеском, чтобы ты не заметил, как её слезы разъедают твою броню, превращая сталь в ржавчину».

Он резко встал и погасил лампу. Комната погрузилась во мрак, и даже его собственная тень исчезла, словно скрывая демонов, которые начали просыпаться в его душе.

Глава 24

Рассвет над Йорком выдался серым и туманным, словно само небо пыталось скрыть грехи прошедшей ночи. Ниагара открыла глаза в гостевой спальне дома Адама. Золотистые лучи едва пробивались сквозь тяжелые шторы, рисуя на полу причудливые узоры. Первой её мыслью был Ааран — его грубые руки, его язвительный голос и тот странный ритм сердец, который они разделили в танце.

Она потянулась к тумбочке, где лежал её верный спутник — перстень, найденный на пепелище. Ниагара взяла его в руки. Металл казался холодным, безжизненным. Она долго всматривалась в гравировку, и на мгновение ей показалось, что кольцо стало чужим. Сердце сжалось от неясного предчувствия: «Почему оно больше не жжет мне ладонь гневом? Неужели я теряю связь с прошлым?» Она еще не знала, что искусные пальцы Адама лишили её единственной правдивой нити.

В дверь тихо постучали. Вошла прислуга — та самая женщина, о которой говорил Адам. На вид ей было около сорока, лицо её было непроницаемым, а глаза — цепкими и холодными.

— Доброе утро, мисс Вуд. Господин Адам распорядился подать вам завтрак и чай. Я — Марта, и я буду заботиться о вашем покое.

Ниагара поблагодарила её, но едва Марта отвернулась, чтобы расставить приборы, девушка почувствовала на себе её тяжелый, изучающий взгляд. Это не была забота. Это был надзор.

Тем временем во дворце Абей Ааран проснулся с тяжелой головой. Листок с его ночными стихами всё еще лежал на столе, напоминая о минутной слабости. Он перечитал свои строки, и ярость вновь вспыхнула в его груди. Он скомкал бумагу, намереваясь бросить её в камин, но в последний момент рука дрогнула. Вместо этого он спрятал комок в самый дальний ящик стола.

— Глупости, — прорычал он себе под нос, надевая свежую рубашку. — Стихи не воскресят мертвых и не очистят кровь врага.

Он спустился вниз, где Сюзанна уже пила свой утренний кофе, изучая свежие газеты. Она подняла на него глаза, и в её взгляде не было ни капли тепла.

— Адам уехал по делам Анны, — коротко бросила она. — А ты, Ааран, должен проследить, чтобы мисс Вуд не вздумала снова пойти в храм или начать расспрашивать горожан. Марта доложила, что девчонка подозрительно долго рассматривала кольцо сегодня утром.

Ааран замер.

— Она что-то заподозрила? — его голос прозвучал резче, чем он хотел.

— Пока нет. Но она дочь Дотура. У этих людей нюх на ложь был врожденным.

Глава 25

Внезапный, тяжелый стук в дверь заставил Марту вздрогнуть. Приоткрыв тяжелую створку, она увидела на пороге мужчину лет пятидесяти пяти. Седина серебрила его виски, а глубокие морщины на лице свидетельствовали о нелегкой жизни.

— Кто вы и что вас сюда привело? — холодно спросила прислуга, преграждая путь.

— Не здесь ли живет Ниагара Вуд? — негромко, но твердо спросил мужчина.

Марта остолбенела. Она уже открыла рот, чтобы отчеканить «нет», но не успела. Услышав знакомый голос, Ниагара выбежала в холл.

— Господин Ной! Это вы? — на её глазах мгновенно заблестели слезы.

Ной, верный партнер её отца по ферме, смотрел на неё с такой отеческой теплотой, что у Ниагары перехватило дыхание. Он был искренне рад видеть её живой после того кошмара, который превратил их дом и ферму в пепел.

У Марты не осталось выбора. Она сухо пригласила гостя войти и отправилась на кухню варить кофе, наострив уши, чтобы не пропустить ни единого слова.

— Как же я рада вас видеть, господин Ной! — Ниагара сжала его натруженные руки.

— Дочь моя, я искал тебя повсюду после пожара. Добрался до храма, и там мне сказали, где ты остановилась. Мне очень тяжело на сердце... Я потерял лучшего друга, он был мне как брат. Твой отец первым поддержал меня в трудные времена. Я пришел удостовериться: в безопасности ли ты? Чей это дом, что за люди здесь живут?

Ниагара поспешно кивнула, стараясь успокоить старика:

— Не волнуйтесь, господин Ной. Это дом моего знакомого, мы встретились в Уитби. Когда я вернулась в Йорк, он первым предложил мне помощь. Здесь я в безопасности.

— Я очень рад, дочка, — Ной вздохнул. — Мои двери всегда открыты для тебя. Я не смогу заменить тебе отца, но исполнить долг перед ним — обязан.

Ниагара заглянула ему в глаза, её голос задрожал от волнения:

— Господин Ной, скажите мне... что происходило с моей семьей перед тем, как нашли их тела?

Старик горестно покачал головой:

— Я не знаю всего, дорогая. Я был в другом городе несколько месяцев, вернулся — и всё уже кончено. В полиции дело закрыли через неделю. Сказали, следов насилия нет. Якобы твоя сестра совершила ошибку и, пытаясь скрыть грех, покончила с собой. А Дотур... — Ной сглотнул ком в горле, — в участке твердят, что он не вынес горя, поссорился с женой и в гневе убил её, а затем себя. Я много думал об этом. Нет! Дотур никогда бы так не поступил. Но у меня не было ни улик, ни доказательств его невиновности.

Глаза Ниагары вспыхнули решимостью.

— Моих родителей убили! Мою невинную сестру убили и повесили всё на отца! Тот, кто поджег дом и ферму — и есть истинный виновник. У меня пока нет улик, кроме одного кольца, которое я нашла в пепле... Но я верю: истина где-то рядом. Я добьюсь справедливости! Это будет моя месть — честная, через суд. Я не буду, как эти нелюди, проливать кровь, я очищу репутацию родных. Это клятва дочери, потерявшей всё.

Господин Ной смотрел на неё с тревогой и печалью.

— Дорогая, умерших не вернешь. Не губи себя в этой борьбе. Ты единственная, кто остался от Дотура. Ты талантлива, образованна, ты прекрасна, как цветок. Твоя жизнь должна продолжаться, несмотря ни на что.

Он вынул из кармана конверт, пухлый от денег, и протянул ей.

— Нет, господин Ной! Я не могу это принять! — воскликнула Ниагара. — Вы и так потеряли всё: ферму, животных...

— Бери, дочка. Это не подарок. Я был в долгу у твоего отца, это его деньги. Мой долг — вернуть их тебе.

В этот момент вошла Марта с подносом. Ной, даже не притронувшись к чаю, встал. На пороге он еще раз обернулся:

— Помни, Ниагара: время не воротишь. Твой отец не хотел бы, чтобы ты рисковала собой. Но если станет трудно — мои двери открыты.

Глава 26

Ниагара сидела на диване, не сводя глаз с конверта. Эти деньги жгли ей руки.

«Правда требует силы, а сила — это независимость», — думала она. — «До каких пор я буду принимать подачки? Сначала пастор, потом Адам, теперь господин Ной... Я чувствую себя беспомощной куклой. Пора выйти в свет и самой строить свою судьбу».

Она вскочила, быстро оделась и, зажав конверт в руке, выбежала из дома. Марта, затаив дыхание, наблюдала из окна, как фигура девушки исчезает в тумане Йорка.

— Ох уж эти люди! — нервничала прислуга. — Она никак не успокоится. Сюзанна велела не спускать с неё глаз, особенно после того, как она вцепилась в этот перстень...

В этот момент дверь распахнулась, и в дом тяжелой, властной походкой вошел Ааран. От его присутствия воздух, казалось, стал ледяным.

— Господин Ааран! — Марта едва не выронила поднос. — Добрый день. Сюзанна просила передать вам документы, чтобы эта девчонка ничего не заподозрила...

— Тише, глупая женщина! — оборвал её Ааран. — Она услышит.

— Её нет, господин! Она выскочила как ошпаренная после визита какого-то Ноя, друга её отца.

Марта торопливо пересказала всё: и клятву Ниагары, и слова о кольце, и её решимость очистить имя Вудов. Глаза Аарана потемнели от ярости.

— Я знал, что она не уймется. Нужно найти её след, пока она не наделала глупостей! — бросил он и стремительно вышел прочь.

А Ниагара тем временем бродила по улицам, пока не наткнулась на уютную газетную лавку.

— Могу я чем-то помочь, госпожа? — вежливо спросил продавец, заметив её растерянность.

— Мне нужна работа, — голос Ниагары дрогнул, но она не отвела взгляд. — Я умею играть на скрипке и фортепиано, пишу стихи и прозу... В Уитби я делала это для души, но сейчас... сейчас мне нужны средства.

Продавец улыбнулся, оценив её благородную осанку и печальную красоту:

— Таких, как вы, ищут редко, но находят метко. В центре есть паб The Punch Bowl. Там собираются политики, люди с деньгами, там плетутся интриги. Им нужен кто-то, кто наполнит вечер музыкой и живым словом. Вы идеально подходите. Завтра в восемь вечера — ваше первое выступление. Сделайте так, чтобы они были в восторге.

Ниагара заполнила бланк, чувствуя, как внутри зарождается надежда. Когда она вернулась домой, Марта встретила её с напускной тревогой:

— Дорогая, где вы были? Я так волновалась!

Ниагара обняла её, сияя слабой, но искренней улыбкой:

— Марта, судьба улыбнулась мне! Я нашла работу по душе. Скоро я смогу сама платить вам за ваш труд.

Как только Ниагара ушла в свою комнату, Марта бросилась на улицу. Она знала, что Ааран где-то рядом. Догнав его в переулке возле храма, она задышавшись выпалила новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.